

ПЕТР ВЕРШИГОРА*

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на командира 1 Украинской партизанской дивизии
им. дважды Героя Советского Союза Ковпака С. А.
Вершигору Петра Петровича

Тов. ВЕРШИГОРА П. П.—1905 г. рождения, украинец, член ВКП(б) с 1943 г. Награжден орденом Ленина, «Красное Знамя» и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Во время героического похода соединения тов. Ковпака в Прикарпатскую Украину тов. Вершигора был первым помощником по разведке. В своей работе проявил исключительную находчивость, давая ценные разведывательные данные государственного значения, и хорошо обеспечивал командование соединения разведывательными данными, необходимыми для боевой деятельности соединения.

После ряда боев, проведенных соединением в Прикарпатской Украине с превосходящими в несколько раз силами противника, врагу удалось расчленить соединение на группы и заставить отходить в северные районы Украины. Во главе одной из самых больших групп находился тов. Вершигора, который, ведя непрерывные бои с очень малыми потерями, прибыл к новому месту сбора.

В декабре 1943 г., по решению ЦК КП(б)У тов. Ковпаку был предоставлен отпуск, а командование было возложено на тов. Вершигору.

Отмечая исключительные заслуги соединения в деле развития партизанского движения на Украине, ЦК КП(б)У удовлетворил просьбу партизан и командования о переименовании соединения в 1 Украинскую партизанскую дивизию им. дважды Героя Советского Союза тов. Ковпака С. А.

Закончив формирование и получив задачу, дивизия вновь выступила в боевой рейд в Станиславской области.

За время рейда с 5 января по 1 апреля 1944 г., ведя непрерывные бои с противником и разрушая его коммуникации, дивизия прошла 3600 километров, форсировав семь крупных рек: Ствига, Горынь, Стубла, Стырь, Стоход, Вапш и Западный Буг, а также 16 важных железнодорожных и 29 шоссежных магистралей. За это время проведено 139 боевых операций и 20 крупных боев, где со стороны противника участвовало большое количество пехоты с приданными танками и авиацией, но дивизия успешно проводила бои, в результате которых занимались города: Горохув, Порыцк, Сатанув, Тарногруд, Ульянов, Кшешув, Краснобруд, Боремель, Станиславчик и Лопатин.

В результате боевой деятельности за три месяца дивизией истреблено:

* Публикация О. С. В е р ш и г о р ы. Тексты печатаемых документов извлечены из личного архива П. П. Вершигоры.

5160 солдат и офицеров противника и взято в плен 598. За это время пущено под откос 24 эшелона противника и уничтожено: 75 танков и бронемашин, 196 автомашин, 5 самолетов, из которых один шестимоторный МС-313, сожжено 9 жел.-дор. мостов общей длиной 310 метров, 57 шоссейных мостов общей длиной 2245 метров, Львовская водонасосная станция, 3 электростанции, 13 спиртозаводов, при этом уничтожена 891 тонна спирта, 2 склада с бензином с общим запасом 10 800 кг, 21 склад с продовольствием, 11 вещевых складов, 3 узла связи, 2 депо станции и авторужейная мастерская, уничтожено 1100 метров железнодорожного полотна, 28 000 метров линии связи.

Захвачены трофеи: 1 пушка, 15 минометов, 36 станковых и 55 ручных пулеметов, 43 автомата, 674 винтовки, 6 гранатометов и много другого военного и хозяйственного имущества.

Освобождено из немецкого плена 200 бойцов и офицеров Красной Армии и свыше 10 000 мирных жителей, угоняемых в Германию на работу.

Во время рейда дивизия снабжалась продовольствием и боеприпасами за счет противника, не затрагивая интересы местных жителей и оказывая населению всемерную помощь.

Во время рейда дивизией разведана деятельность польских организаций «Эндеки», «Стронництво людове», «Стронництво працы» и других, действия которых диктуются политикой польского правительства, находящегося в Лондоне. Одновременно установлена тесная связь с влиятельной среди населения антинемецкой подпольной организацией «Польска партия роботнича», имеющей крупные боевые партизанские отряды, объединяющиеся в так называемую «Гвардию людову», которым дивизия оказала большую помощь.

Кроме боевой и разведывательной деятельности, командованием дивизии и партийно-комсомольской организацией проделана большая политикомассовая и разъяснительная работа о предательской деятельности украинских националистов.

Рейд партизанской дивизии под командованием подполковника Вершигоры является большим политическим событием, показывающим мощь и силу советского народа и вселяющим уверенность у неосвобожденных еще от немецкого гнета народов оккупированных районов Украины, Белоруссии, народов Польши в близость часа полного изгнания немецких оккупантов и их разгрома.

Дивизия под командованием подполковника Вершигоры, совершив боевой рейд по глубоким тылам противника, нанесла ему громадный урон в живой силе и технике, закалилась в боях и, благодаря правильному взаимоотношению с населением, численно выросла с 1230 человек к моменту выхода в рейд до 1860 человек в настоящее время.

Учитывая исключительные заслуги в деле развития партизанского движения на Украине и умелого вождения партизанских полков, личный героизм, отвагу и находчивость, командир 1 Партизанской дивизии подполковник Вершигора Петр Петрович представляется к присвоению звания Героя Советского Союза.

Начальник Украинского штаба
партизанского движения

Т. Строчак

<1944>

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1944 г. генерал-майору П. П. Вершигоре присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в Молдавии. Родители Петр Кондратьевич и Вера Петровна Вершигора (Канюшинская) учительствовали в сельской «земской» и «церковно-приходской» школе. Отец умер, когда мне было три года, и я его не помню. Мать, обремененная семьей (она воспитывала, кроме меня, пять племянников), мало обращала на меня внимания, хотя, кажется, любила меня сильно. Умерла вскоре и она, оставив меня одного в возрасте 12 лет. Пошел я на родину отца в село Севериновку, где и рос у родичей отца. Зарабатывал на пропитание пастушеством, когда подросток, работал на мельнице. Затем, помня заветы родителей, что «ученье свет», сбежал в м. Рыбницу и в 1920 г. поступил в профагрошколу. Там проучился одну зиму. Голод 1921 г. и тиф прекратили учебу. В Севериновке (родина отца) жил до 1925 г., работал председателем комнезама, секретарем сельсовета, избачом и режиссером драмкружка. Научился играть на трубе и играл на свадьбах, похоронах и ревпраздниках. В 1926 г. ушел в Одессу, поступил добровольцем в музыканты в 151 стрелковый полк 51 Перекопской дивизии. Год овладевал высотами «капельмейстерской» культуры, стал старшиной музкоманды и изредка дирижировал вальсы и попури на бульваре возле «дюка». На второй год поступил студентом Одесской консерватории, но не на музыкальное, а на режиссерское отделение. Год был красноармейцем и студентом. Перейдя на II курс, демобилизовался, а в 1930 г. закончил институт.

Дальнейшая жизнь протекала в провинциальных городах, преимущественно в должности актера, режиссера (Сталино, Ижевск, Горький, Ростов, Киев, Одесса), которого выгоняют в конце, а иногда и посреди сезона за грубость с начальством и другие реформаторские дела. Был я в театральном быту «белой вороной», не умевшей льстить, имевшей сумбурные взгляды на искусство и пытавшейся их проводить в жизнь. Так до 1935 г., когда переменял свою деятельность на педагогическую. Читал лекции и вел курс режиссуры на Молдавском факультете Одесского театрального училища. Из факультета получил потом Молдавский театр, и все теперешние заслуженные и народные артисты Молдавии — мои ученики.

Затем ринулся в кино. В 1936 г. поступил в киноакадемию, некий аппендикс изобретения С. М. Эйзенштейна при Государственном институте кинематографии. Слушал лекции Эйзенштейна, Кулешова, Кедрова (актерское дело), Васильевых, Фэксов, Герасимова и других честных и интересных художников. «Академия» многому научила, но несколько раз я был на волоске от исключения, так как вновь, как «белая ворона», выступал с лозунгом «академия без академизма». Кое-как в 1938 г. «академию» окончил и поехал работать в Киев. На Киевской киностудии были дела такие же, как всегда с момента, как в руководстве кино сидели и сидят люди, заветная мечта которых не выпускать ни одного фильма — для них это ответственность. Все же сделал несколько короткометражных полухудожественных киногобридов на темы сельскохозяйственные, оборонные и этнографические: «Советская Молдавия», «Колхоз им. Сталина», «Свекла», «Механизация», кажется, комплексная, что ли. Все это только затем, чтобы держать пленку в руках и квалифицироваться. В это же время начал писать. Написал повесть «Чеколтан», несколько рассказов и пьесу о Хотинском восстании — «Дуб Котовского». Всё, за исключением пьесы, было послано в «Новый мир» и удостоилось благосклонного внимания Ставского. Он по телефону сказал мне: «Давай, давай». И на этом дело кончилось. Пьесу я написал за месяц до войны, и она тоже нигде не пошла. А затем — война. Повесть «Люди с чистой совестью» автобиографична, и поэтому повторять известные факты нет смысла.

П. П. ВЕРШИГОРА

Фотография, 1942 (?)

Собрание О. С. Вершигоры,
Москва

Служебное положение мое было в таком порядке: помкомвзвода, комвзвода, комроты, комбат; затем, после ранения, начальник бригады фотокоров; затем разведчик Брянского фронта в тылу врага (по-простому — шпион); затем зам. командира партизанских отрядов Орловской области по разведке; затем у Ковпака рядовой, командир 13 роты, помощник Ковпака по разведке, а после смерти С. В. Руднева и отозвания Ковпака на «Большую землю» (декабрь 43 года) — командир остатков ковпаковцев, из которых вновь сколотил партизанское соединение и назвал его 1 Украинской партизанской дивизией им. Ковпака и совершил с ней два рейда: в Польшу и в районы Западной Белоруссии (Беловеж, Гродно, Августовские леса).

Партизан по призванию, а не по случаю, в письменных характеристиках и наградных листах числюсь смелым, инициативным и т. д. и т. п., а в кулуарах штабов и инстанций известен как недисциплинированный и злой на язык подчиненный.

Недисциплинированностью у нас часто зовут самостоятельность мыслей и умение их настойчиво проводить в жизнь. Награды и повышения по службе получал, как правило, за нарушения по службе, например за ругань по радио награжден первым орденом «Красного Знамени» (вернее за результаты ее), генерала — за невыполнение приказа Н. С. Хрущева, запрещавшего ходить в Польшу, а затем представившего к этому званию за то, вероятно, что я все-таки туда влез со своими хлопцами, и т. д. Были и вещи прямо обратные, но это тогда, когда делаешь наперекор начальству поглупее. Не дай бог не послушаться дурака. А умный всегда поймет.

Словом, биография моя путаная, непутевая и жизнью своею я неудовлетворен. Начать бы ее сначала — пустил бы я себя по бюрократической части, а сейчас переделывать поздно.

П. В е р ш и г о р а

Март 1947 г.

О ТОМ, КАК Я РАБОТАЛ НАД КНИГОЙ
«ЛЮДИ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ»

Мысль написать книгу о партизанских делах возникала у меня и во время войны. Совершая с Ковпаком и Рудневым рейды на Правобережье Украины и на Карпаты, затем самостоятельно командуя 1 Украинской партизанской дивизией им. Ковпака, с которой ходил в Польшу, в Восточную Пруссию, Беловежскую пущу, Августовские леса, я в свободные минуты подумывал о повести, романе. Было какое-то смутное представление, что все те героические и простые дела, страшные и веселые вещи, происходившие на глазах, могут стать интересным материалом для художника. Иногда невольно рождались упреки по адресу литераторов, писателей, часто жалующихся на отсутствие тем, материалов и жизненных конфликтов, тогда как тем и конфликтов перед глазами было хоть отбавляй, но не было времени, а может быть и умения их запечатлеть. Правда, случайно перед вылетом в тыл врага я захватил с собой фотоаппарат и достаточное количество пленки и фиксировал, как мне тогда казалось, наиболее примечательные события, отдельных партизан, характерные пейзажи, вел, так сказать, своеобразную фотолетопись или фотодневник отряда Ковпака. К концу сорок второго года у меня уже накопилось больше тысячи таких фотографий. Было у меня какое-то предчувствие, что работа эта после войны, если останусь жив, безусловно принесет пользу, если не для других, то для меня лично.

Кроме фото, в деловых записных книжках, в которых записывались текущие дела разведывательной работы, списки вновь принятых партизан, где-то в конце теснились обрывки мыслей и фраз, фамилии, характерные словечки, образы и сравнения, возникавшие в самых неподходящих для литературной работы местах. Помню, с начальником штаба Ковпака Базымой во время очень неудачного для нас боя за полустанок на железной дороге Гомель — Мозырь, после целой ночи борьбы, мы лежали метрах в 50 от полустанка, за сосной, все больше и больше уверяясь в том, что бой мы проиграли. Немцы подбросили свежие силы. Неосторожно высунувшись с биноклем из-за дерева, мы привлекли на себя внимание немецкого пулеметчика, и он выпустил по нас почти всю ленту. Мы с Базымой прислонились к сосне, от которой летели щенки во все стороны, а когда обстрел закончился без особого вреда для нас, то тут же захотелось записать мысль, родившуюся в результате нервного подъема и сознания только что минувшей опасности:

«Бои, как люди, бывают разные. Есть бои светлые, как юная девушка, есть хмурые, как меланхолик; бывают нудные и тяжелые, как жизнь старика-вдовца, обремененного застарелым ревматизмом и геморроем. Бывают и бой-пятиминутки, как быстрая летняя гроза. Каждый бой имеет свое лицо, свои особенности, свои неповторимые подробности, которые запоминаешь на всю жизнь, если ты воин и в бою думал о победе над врагом, а не лежал, уткнувшись рылом в землю, дрожа за свою шкуру».

Запись эта почти без изменений попала через два с половиной года в книгу.

Пробовал я вести и дневник, но он оборвался в первые же полтора-два месяца. В отряде Ковпака захлестнула действительность, и живые факты и люди заслонили книжное литературное восприятие жизни. Да



В ПАРТИЗАНСКОМ СОЕДИНЕНИИ С. А. КОВПАКА

Слева — П. П. Вершигора и С. А. Ковпак, справа (на переднем плане) — С. В. Руднев

Фотография. Прикарпатская Украина, 1943

Собрание О. С. Вершигоры, Москва

и, кроме того, мне всегда казалось, что ведение пунктуальных дневников, изо дня в день повествующих о нашей жизни или о том, какие она стечатки откладывает на нас, несвойственно русскому человеку. Мне кажется, что дневник, который почти целиком вошел в первую часть «Людей с чистой совестью», мало похож, скажем, на дневники немецких вояк в которых они пунктуально записывали сколько курей, гусей они зажарили, какую деревню с боем взяли, где кого расстреляли и так далее, поэтому сама форма дневника всегда почему-то вызвала у меня эти неприятные сравнения и, в конце концов, я его бросил. Последние записи так и закончились декабром 1942 года. До конца войны в эту тетрадку я больше и не заглядывал, а разнообразные записные книжки, в которые попадали всякие сумбурные мысли, не мог оставить. Наоборот, чем ближе было к концу, чем яснее ощущались перед всеми нами контуры будущей победы, — все больше и больше хотелось записать, запечатлеть, сохранить то неясное и волнующее, что бывает в жизни у каждого человека, если он воюет или трудится, не уткнувшись мордой вниз, дрожа за свою шкуру.

Конечно, не все из этих записей вошли в книгу. Многие из них держатся про запас, многие просто не на тему книги, а результат каких-то размышлений человека, который живет не только тем, что у него перед глазами.

Уже во время работы над книгой я до конца начал понимать вещи, которые знал и раньше, но ощущать их как что-то неотъемлемое, понимать душой стал именно в процессе писательского труда.

А как же все-таки возникла книга «Люди с чистой совестью»?

Уже воюя по эту сторону фронта, очищая со своей дивизией тылы стремительно наступавшей Красной Армии от всякой немецкой нечисти, я пригласил в дивизию двух своих друзей. Им хотелось поглядеть на партизан в их натуральном виде. Виктор Иванов, мой товарищ по довоенной работе, прошел через осаду Сталинграда, был ранен, контужен и вернулся в конце войны к своему мирному труду. Маша Шумова владела стенографией. Они-то и заставили меня начать работу над книгой. Несколько вечеров подряд в хатах Западной Украины я диктовал все, что вспоминалось о боевой жизни. Вскоре о том, что я записываю что-то, узнали бойцы и командиры.

— Командир историю пишет, — передавали друг другу бойцы, и в эти часы не было слышно выстрелов, никто не заходил ко мне...

Но зато в перерывах посетителей было хоть отбавляй. Каждый, особенно из «старичков», старался как бы невзначай напомнить мне какой-либо эпизод, случай или важное с его точки зрения событие... Часто люди не умели скрыть и своего затаенного желания и самому попасть в историю, которую пишет их командир. Я по-человечески понимал это отнюдь не мелочное честолюбие. Ведь «герои ничего не боятся, кроме забвения». А это были настоящие герои.

<1947>

ПИСЬМО ГРЕЧЕСКИХ ПАРТИЗАНОВ

<Ноябрь 1949 г.>

Уважаемый тов. Вершигора!

Греческая делегация, прибывшая в Москву для участия в работе сессии Совета Международной Демократической Федерации женщин, считает своей честью послать вам вашу книгу «Люди с чистой совестью», переведенную на греческий язык и изданную в Свободной Греции.

Ваша книга стала ценным пособием для каждого командира, политкомиссара и каждого рядового бойца Демократической армии Греции.

Наши партизаны выполняли самые трудные задания, вдохновленные героическими делами людей, изображенных в вашей книге. Они, наши партизаны, брали с собой вашу книгу и тогда, когда уходили в глубокий вражеский тыл. Они читали ее в блиндаже и в окопе, у костра и на привале, после боя с врагом. Они читали ее, уходя в далекие походы, скрываясь в кустах, читали ее и в дождь и в холод.

Вместе с книгой, которую мы вам посылаем, мы шлем вам привет и благодарность всех наших борцов, для которых ваша книга стала неоценимым руководителем и другом.

Наш народ, воодушевленный героическими делами советских людей, будет продолжать свою жестокую борьбу до победы.

С уважением

Рула Кукунду, Авра Парцалиду,
Рита Лазариду, Вайо Вурна, Д. Иоанниди